

Горло сжималось, шею обдавало жаром, но она все равно прижимала смычок к виолончели и перекладывала на музыку то, что не могли сказать слова. Слова, которые она не могла сказать даже самой себе.

Сначала робко, слабо и неуверенно, но Флер больше не хотела быть такой, поэтому рука, сжимавшая смычок, напряглась, и она стиснула зубы, нахмутив брови. Следующий взмах смычка был лучше, ноты быстро обретали уверенность. Ловкое скольжение пальцев по грифу демонстрировало ее опыт и ловкость. По мере того как ее игра выравнивалась, в ней росла чистая гордость, уважение, основанное на радостном удовлетворении и не замутненное фальшью или беспокойством.

Когда она играла, ее переполняло чувство непривязанности, и это было восхитительно пугающее ощущение. Она играла свою музыку, не обращая внимания на время, песни переходили одна в другую плавно и без пауз. Годы недовольства и неуместного самомнения таяли, как воск, и стекали к ее ногам, а ощущение легкости побуждало задыхающийся смех вырываться из ее горла, когда особенно сложная мелодия исполнялась безупречно.

Это была она, та, кем она хотела быть; та, кем она всегда должна была быть. Она удивлялась простоте всего этого. Удивлялась тому, как тяжелый груз сомнений и отчуждения был небрежно отброшен в сторону, и в этот прекрасный, захватывающий момент Флер Делакур расцвела.

Лишь когда ее игра наконец закончилась, она подняла глаза на зрителей. Она не замечала, что ее грудь тяжело вздымается, когда она глотает воздух, или что ее лоб покрыт капельками пота. Она не обращала внимания на перья, проросшие на ее руках, - перья, которые когда-то были бы унижительны или быстро скрыты. Вместо этого она задрала подбородок и села прямо. Импозантная и правильная, как учила ее мать все эти годы, но теперь свободная от отравлявшей ее гордыни.

Она ждала мнения своего слушателя, но в этот совершенный момент понимала, что, что бы он ни сделал, перемена, произошедшая в ней, была исключительно ее собственной и останется незатронутой ни его похвалой, ни его порицанием.

Голубые глаза встретились с зелеными, и Флер с удивлением поняла, что почти не узнает сидящего перед ней мальчика. Ей потребовалось мгновение, чтобы понять, почему он кажется таким непохожим на других, и она с ужасом осознала это. Впервые за весь год он выглядел на свой возраст. На нее смотрел улыбающийся, очаровательный, восхитительный Гарри Поттер. Его глаза горели и танцевали, а сияющая улыбка сбрасывала сотни лет с его изможденного лица и усталой позы.

Сердце ее причудливо забилося, и ведьма была потрясена, почувствовав, как после окончания песни по ее коже распускаются перья, а не опускаются под нее.

«Спасибо, - смущенно сказал мальчик, и на его щеках появился приятный румянец. «Ты прекрасно играешь».

Она тупо кивнула, застигнутая врасплох необычным приливом эмоций, захлестнувших ее изнутри.

С дрожащими коленями, которые она пыталась скрыть, женщина встала, поставив виолончель на подставку, которую она соорудила рядом со своим стулом. Повернувшись лицом к собеседнику, она почувствовала, что его пульс участился, когда он приблизился к ней.

Он выглядел необычайно сосредоточенным, его брови были сведены в складки, а челюсть решительно сжата, что было не похоже на цвет лица, который он носил в начале каждого из трех заданий. Флер стояла совершенно неподвижно, не решаясь даже вздохнуть, так как в голове у нее помутилось от множества безмянных чувств и неопознаваемых реакций, которые испытывало ее тело при его приближении.

Не говоря ни слова, он приблизил свое лицо к ее лицу и, оценив ее реакцию, прижался губами к ее губам; бархатное давление вызвало любопытный стук ее сердца. Ее глаза медленно закрылись, а кровь прилила к кончикам ушей и окрасила щеки.

Она расслабилась в приятных ощущениях, томно двигая ртом по его губам, уговаривая его продлить контакт. Он был груб и неуверен, но движения его были твердыми, словно он знал, чего хочет, но не знал, как этого добиться. С некоторой тревогой Флер осознала, что чувствует, как ее губы начинают твердеть и желтеть; от смущения поцелуй резко прервался.

Зеленые глаза переместились с нее на губы. Вздернутая черная бровь заставила ее пульс участиться от волнения. Подушечка пальца нерешительно потянулась вверх, чтобы провести по кератину ее рта. Она ждала вопросов, отвращения, чего... она не знала. Но ничего не приходило. Ее нервы были расшатаны и нестабильны; она все еще чувствовала, как на ее лице нестерпимо пылает румянец. Его пальцы, продолжавшие нежно ласкать ее губы, не способствовали ее душевному состоянию, как и то, как горячо он наблюдал за ней.

Не думая и не готовясь, Флер впервые за четыре года пролепетала: «Ты мне нравишься». Румянец сошел с ее лица, а щеки побледнели от ужаса, что она проговорила, и глаза дико забегали, стараясь не смотреть на него.

Задыхаясь, она едва услышала его ответ: «Ты мне тоже нравишься». Твердо и уверенно, точно так же, как он поцеловал ее.

Женщина вытаращилась, чувствуя себя молодой и глупой. И снова ее рот и мозг выдали: «Я иногда заикаюсь». Слова прозвучали прежде, чем она осознанно их произнесла, но вместо того, чтобы отвести взгляд, она решительно встретила его глаза. Она остро ощутила тишину, когда он задумчиво смотрел на нее.

«Хорошо.»

Она взглянула на него: «И это все, что ты хочешь сказать?»

Он слегка смущенно опустил голову, а его рука поднялась, чтобы почесать затылок, отчего его черные локоны весело заплясали. «Ну, наверное... Я склонен произносить слово «ужасный» как «весло», я полагаю». Он несколько робко посмотрел на нее.

Она застыла на месте, глядя на него. Она хихикнула и закрыла рот ладонью. Ее веселье быстро угасло, когда она увидела, что его лицо перекосилось. Медленно она убрала руку, чтобы можно было говорить внятно.

«Арри, я не насмехаюсь над тобой, прости. Я просто... ну, я была удивлена. Это было мило с твоей стороны... сказать это».

Он снова почесал голову, опустив глаза к земле, и рассеянно зашаркал острием ботинка по грязи, бормоча что-то похожее на понимание.

«Я не люблю это место». Она нетерпеливо откинула волосы назад, и это слово на букву «л» снова прозвучало в ее речи. «Но я очень рада, что встретила тебя, Арри».

Он улыбнулся ей, и на этот раз это было похоже на обещание.

Venti tré

Вокруг павильона, возведенного для свадьбы, падал белый снег, который, как по волшебству, рассеивался, не успевая упасть на землю или достичь тел гостей.

В этой массе людей были друзья и родственники, товарищи и выжившие. Флер чувствовала себя в безопасности рядом с ними, но, несмотря на это, то, о чем она уже давно размышляла, все равно вызывало опасения. Она слегка зажала нижнюю губу между зубами и отпустила ее.

Не обращая внимания на нервы, она решительно направилась к стойке для виолончели и стулу, которые поставила для нее сестра. Подойдя к инструменту, она позволила пальцам провести по гладкому дереву своего давнего друга. Казалось, виолончель резонирует с ее собственной взволнованной, тревожной энергией. Потянувшись вверх, она достала из волос серебряный гребень, украшенный жемчугом. Как только реликвия ее матери покинула свое гнездо, платиновые локоны вырвались из его пут, а обычно прямые волосы остались изящно завитыми от прежних ограничений.

Флер осторожно опустилась на сиденье в передней части толпы, ее гулкой пульс доносился до ее ушей. Она перекинула занавес из волос, теперь свободно свисавший из прежнего замысловатого заточения, через одно плечо.

Сделав дрожащий вдох, она поставила виолончель между ног, слегка выдвинув вперед левую

ногу, и деревянный корпус слегка уперся ей в грудь. Опираясь на колени, юная невеста любовно расположила гриф и свирель слева от головы, слегка наклонив их вправо, чтобы струны были полностью доступны для смычка.

Она чувствовала себя обнаженной перед толпой, прекрасно понимая, что ее песня приглашает их увидеть ее внутреннюю сущность так близко. Голубые глаза искали зеленые, и с полуулыбкой она скромно опустила голову, а ее волосы, словно серебро, рассыпались по коричневому дереву инструмента.

<http://tl.rulate.ru/book/117297/4672121>